

Яо Яньцин слегка улыбнулся, мельком взглянув на шкатулку. Внутри аккуратно лежали две стопки серебряных банкнот по сто лянов каждая, всего около сорока тысяч лянов. Он закрыл крышку шкатулки, и его лицо внезапно исказилось гневом:

— Кем вы меня считаете?!

Купец Ли испугался и поспешно ответил:

— Это лишь небольшой знак нашего уважения, никаких других мыслей.

Яо Яньцин холодно рассмеялся и поднялся, собираясь уйти. Го Инчуань поспешил остановить его, извиняясь:

— Господин, не сердитесь. Мой брат поступил необдуманно. Мы прибыли сюда в спешке и не успели подготовить подарки из Хуайиня, боясь показаться невежливыми перед вами, поэтому и решились на такой поступок.

Яо Яньцин снова сел, насмешливо улыбнувшись:

— Вот это и есть настоящая невежливость. Вы считаете меня человеком, который видит только деньги? Если вы хотите совершить благое дело и внести вклад в строительство Храма Милосердия, это похвально, но не стоит идти кривыми путями.

Го Инчуань поспешно согласился:

— Вы правы, господин. Мы осознали свою ошибку и надеемся, что вы дадите нам шанс заслужить ваше расположение и обрести благую карму.

Яо Яньцин смягчил гнев и спокойно сказал:

— Это дело личного выбора. Если у вас есть такое желание, никто не может вам помешать. Просто идите в храм и жертвуйте на благовония.

Го Инчуань с горькой улыбкой ответил:

— Но ни один Храм Милосердия не примет столь крупное пожертвование.

— Я знаю, зачем вы пришли. Даже если вы не говорите об этом, я прекрасно понимаю, что у вас на уме. Люди готовы умереть ради богатства, а птицы — ради пищи. В этом нет ничего странного.

Яо Яньцин произнёс это с безразличием, играя с нефритовым кольцом на своём поясе.

Го Инчуань загорелся:

— Не скрою, господин, нам нелегко. Хотя мы зарабатываем больше обычных людей, это тяжёлый труд.

Яо Яньцин усмехнулся, подняв бровь:

— Тяжёлый труд? Если вы посмеете назвать это тяжёлым трудом, как же тогда жить простому народу?

Го Инчуань смущённо засмеялся и, склонившись, сказал:

— Мы перевозим соль на северо-запад. Путь долог, и на дороге может произойти что угодно. Иногда мы и вправду не возвращаемся.

— Поэтому императорский двор заботится о вас и указывает вам удобный путь.

Яо Яньцин спокойно произнёс, но его взгляд стал мрачным и значащим:

— Императорский двор так относится к вам, и вы должны быть благодарны. Вы хотите всегда быть впереди, обогащаясь, но при этом казна остаётся пустой.

Го Инчуань почувствовал облегчение от этих слов. Он не боялся потратить больше серебра, но боялся, что Яо Яньцин откажется его принять.

— Вы правы, господин. Именно поэтому мы хотим внести вклад в строительство Храма Милосердия в Сяду. Мы готовы, подражая главе семьи Лю, пожертвовать миллион лянов серебра в знак нашей искренности.

Яо Яньцин холодно посмотрел на Го Инчуаня, слегка улыбнувшись:

— Я слышал, что торговцы солью из Хуайиня следуют за вами, глава Го. Другие получают тридцать процентов прибыли, а вы — полные карманы. Слышали ли вы поговорку: серебро — это мёртвое, а сердца людей — живые?

Яо Яньцин знал, что Го Инчуань, пользуясь поддержкой Вэнь Юйхэна, контролировал лицензии на торговлю солью в Хуайине. Он получал соль и перепродавал её мелким торговцам, которые развозили её по странам, наживая огромные состояния. Теперь он хотел потратить миллион лянов, чтобы получить максимальную выгоду. Эта сделка была слишком хитрой.

Го Инчуань слегка изменился в лице, понимая, что недооценил Яо Яньцина. Не зря купцы из Гуанлиня говорили, что он готов высосать из них всё до последней капли.

— Эти люди просто распространяют слухи. Господин, как вы можете всему верить?

Яо Яньцин усмехнулся, но с ноткой сарказма. Он ничего не сказал, только поставил бокал на стол, явно собираясь уйти.

Го Инчуань слышал, что встретиться с Яо Яньцином было крайне сложно. Теперь, когда он наконец смог пригласить его, устроив богатый приём с деликатесами, прелестными девушками и деньгами, он понял, что просчитался. Ни красота, ни серебро не привлекли внимания Яо Яньцина. Теперь, услышав его намёки, он начал подозревать, не знает ли тот о том, что лицензии на соль в Хуайине находятся в его руках.

— Господин, я глуп. Пожалуйста, укажите мне светлый путь.

Го Инчуань, видя, что Яо Яньцин собирается уйти, низко поклонился.

Яо Яньцин мягко улыбнулся:

— Раз у главы Го есть стремление к добру, как он может не знать трёх добродетелей милосердия? Я вижу по вашему лицу, что в вас есть три признака добродетели мудрости.

Го Инчуань озадачился. Хотя он не понял, что Яо Яньцин имел в виду под тремя добродетелями, он уловил слово «три» и осторожно предложил:

— Я готов пожертвовать три миллиона лянов серебра на строительство Храма Милосердия в Сяду. Смогу ли я после завершения строительства посетить Сяду?

Его слова шокировали остальных четверых гостей. Они мысленно подсчитали, что с каждого из них Го Инчуань потребует по шестьдесят-семьдесят тысяч лянов.

Яо Яньцин сразу же согласился, похвалив:

— Глава Го, вы действительно человек с добрым сердцем.

Го Инчуань внутренне усмехнулся. Он не понимал, что такое доброе сердце, но знал, что у Яо Яньцина было жадное сердце, которое заставляло даже их, прозванных жадными купцами, чувствовать себя неловко.

Когда учитель Шэнь отправил слугу с сообщением в дом Яо, Яо Яньцин как раз принимал купцов из Нинчэна. Услышав, что слуга пришёл от учителя Шэня, он сразу же оставил троих купцов и пошёл к слуге.

Купцы не знали, кто пришёл, но были удивлены, что этот высокомерный господин Яо бросил их ради кого-то другого. Они начали подозревать, что это был важный гость, и, когда Яо Яньцин сообщил, что должен уйти по важным делам на полдня, их подозрения усилились. Один из купцов удержал слугу и с улыбкой спросил:

— Не знает ли молодой человек, кто пришёл к господину Яо?

Слуга, будучи честным, не осмелился раскрыть частные дела Яо Яньцина и покачал головой:

— Не знаю. Пятый господин просто велел мне передать, что если у трёх почтенных гостей нет срочных дел, вы можете подождать его возвращения. В противном случае, приходите в другой раз.

Услышав это, купцы вспомнили слухи о том, что управитель Ван однажды ушёл и больше не смог встретиться с господином Яо. Один из них поспешно сказал:

— Пожалуйста, передайте господину Яо, что у нас нет срочных дел. Мы подождём здесь, пока господин Яо закончит, и подробно обсудим строительство Храма Милосердия.

Слуга кивнул и вышел из зала, но не смог найти Яо Яньцина. Тот уже выехал из дома и помчался в Академию Собрания Мудрецов.

Академия Собрания Мудрецов располагалась на высокой горе на границе между Гуанлином и Фэнчэном. Дом учителя Шэня находился на самой вершине, откуда открывался вид на горную дорогу, соединяющую два города. Во время учёбы в академии Яо Яньцин любил стоять на вершине и наблюдать за пейзажем внизу.

Когда Яо Яньцин прибыл, учитель Шэнь в позе лотоса сидел на камне, глядя на извилистую дорогу внизу.

Яо Яньцин положил подарки на землю, подошёл и низко поклонился:

— Ученик Яо Яньцин приветствует учителя.

Учитель Шэнь полуоткрыл глаза, взмахнул рукавом и встал:

— Идем за мной.

Яо Яньцин тихо отозвался, поднял подарки и последовал за учителем Шэнем в главный зал. Там как раз жена учителя Шэня разливала цветочный чай. Увидев Яо Яньцина, она не могла скрыть радости. Яо Яньцин вежливо поклонился и протянул ей подарки.

Жена учителя Шэня улыбнулась:

— Ты бы и так пришёл, зачем ещё принёс эти вещи?

Яо Яньцин улыбчиво ответил:

— Это небольшое проявление чувств ученика. Прошу вас, учительница, улыбнуться и принять.

Учитель Шэнь откашлялся, неодобрительно нахмурил брови:

— Сколько раз говорил: не приносите подарков. Совсем никакой памяти.

Яо Яньцин с улыбкой ответил:

— Это ничего тяжёлого, просто немного чая и тонизирующих средств, знак почтения учительнице.

<http://bllate.org/book/16709/1535914>